

К.А. Баршт

**«ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ ЭВОЛЮЦИИ»
И «ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»: ОПРАВДАНИЕ
НОМО SAPIENS EXPLORANS**

В основании «русского космизма» как религиозно-философской концепции лежит вопрос о том, «чесо ради создан бысть человек» (I, 409) и предположение Н.Ф. Федорова о том, что воля Вселенной к самосовершенствованию проходит через сознание человека как разумного и свободного существа. Отсюда задача человека сделаться активным проводником Промысла, «Бога отцов не мертвых, а живых»¹. Н.Ф. Федоров считал необходимым преодолеть биологическое несовершенство «человека технического», которое плохо сочетается с великими целями Бытия, которым он должен служить. С другой стороны, как отметил А. Бергсон, человек в Новой истории находится под жестким диктатом ограничивающего его творческие возможности интеллекта и поневоле играет роль «Гомо Фабер», человека-ремесленника, сводящего всю свою жизнь к тщательному обслуживанию мелких нужд собственного тела². Вырисовываются две основные проблемы: насколько человек соответствует своей космической роли при жизни, и что с ним происходит после биологической смерти.

К началу XX века целый ряд мыслителей переводит на космологическую парадигму христианскую концепцию телесного и духовного преобразования, вызревает идея о новом человеке, преодолевающем свою онтологическую ограниченность и физическое несовершенство: «полноорганном» человеке (Н.Ф. Федоров), «человеке летающем» (А.В. Суховерхов), ноосферном существе (В.И. Вернадский), «homo sapiens explorans» (Н.А. Умов), «Втором Иване» (А.П. Платонов). Эти изменения

должны свершиться извне и внутри тела человека, который усилием своей согласной с целями Космоса воли возьмет процесс телесного и духовного преобразования в свои руки. Средой обитания для этого нового состояния «мыслящей материи» должен стать Космос как единое субстанционально-энергетическое целое. Поскольку, как указывал Н.Ф. Федоров, самосознание человека все более приближается к самосознанию Вселенной, и «природа начала сознавать себя в сынах человеческих», технико-энергетические ресурсы человечества теснее связываются с силами «природы, стремящейся к сознанию и управлению» (I, 389), в единстве со всем Сущим образуя «всеединство» В.С. Соловьева, «психократию» Н.Ф. Федорова, «ноосферу» В.И. Вернадского и «Будущий Октябрь» А.П. Платонова. Как пророчествовал В.С. Соловьев, космогонический процесс закончится «порождением сознательного существа человеческого» подобно тому, как итогом «процесса теогонического является самосознание человеческой души как начала духовного, свободного от власти природных богов, способного воспринимать божественное начало в себе самом, а не через посредство космических сил...»³. Разумеется, когда В.С. Соловьев говорит: «в себе самом», он имеет в виду: «через посредство космических сил», противопоставления такого рода в парадигме «космизма» принципиально снимаются⁴.

Это главенствующее направление «активной эволюции», при котором человек все более ясно осознает свою причастность Мирозданию и выходит на новый уровень нравственного состояния, диктует ему новые бытийные цели и задачи: качественное преобразование мировой субстанции внутри и снаружи человеческого тела. Движение человечества к телесному преобразению составляет основную линию его развития — не как самоцель, но как необходимое условие движения Мировой истории⁵. Называя этот процесс «кривой прямой линией» развития живой субстанции, В.И. Вернадский настаивает на его необратимости. Указывая на главенствующую, первичную роль сознания в образовании жизни, А. Бергсон говорит о «прямой линии» мировой истории⁶, определяя ее как основную «тенденцию» развития материи, действующую направленно и векторно, как один энергетический «пучок»⁷. В свою очередь, А.П. Платонов, описывая «самодельное» развитие «сокровенного» «вещества существования» употреблял словосочетание «генеральная линия»⁸.

В.И. Вернадский дает определение «живого вещества» как «понятия вполне точного и всецело охватывающего объекты изучения биологии и биогеохимии», отказываясь от какого-либо спора по поводу корректности такого термина: «Оно простое, ясное и никаких недоразумений вызывать не может». Согласно его мнению, важна не столько граница, отделяющая

человека от «всего остального» и пролегающая между поверхностью его тела и «окружающей средой», сколько граница между «живым веществом» и веществом «косным» (потенциально живым), между которыми идет «непрерывный материальный и энергетический обмен, материально выражающийся в движении атомов <...> неотделимо и неразрывно биосфера на всем протяжении геологического времени связана с живым заселяющим ее веществом»⁹. Н.А. Умов по-своему развивал идею о «силе развития», направляющей живое к все более высокому уровню самосовершенствования. Он считал, что именно расхождение между природой и человеком порождает механизм совершенствования сознания, которое тем больше конфликтует с реальностью, чем оно выше по творческому потенциалу. В итоге рождается новый тип человека, *homo sapiens explorans*, смысл бытия которого — онтологическая перестройка Мироздания.

Н.Ф. Федоров выражал мысль о том, что у каждой частицы «вещества» есть свое лицо, как бы свои «отпечатки пальцев», поэтому можно собрать из этих оригинальных деталей тело и сознание когда-то жившего человека. Если понимать эту идею механистически, она выглядит уязвимой и легко может быть оспорена. Однако если не сосредотачиваться на сомнительности конечного продукта такого воскрешения, то нельзя не поразиться глубине его мысли об индивидуальности каждой части, каждого фрагмента мировой субстанции, действительно, имеющего свой собственный резонанс, который можно транслировать в уникальный шифр и который делает Вселенную громадным хранилищем информации обо всех живших в ее пределах, разумеется, не только людей. Федоровская семиотика развивается в направлении формулирования соотношения между сочетанием элементов в мире и точностью их соотнесения, из «кладбища» Мироздание обращается тем самым в архив себя самого: «Музей <...> есть проект Воскрешения» (III, 451). Видимо, Н.Ф. Федоров опередил А. Бергсона в создании концепции Вселенной самотворящейся и накапливающей свой фонд вечной памяти. Правда, он требовал, чтобы бразды управления онтологической памятью Вселенной полностью перешли к человеку. Требование амбициозное, учитывая явное несоответствие сегодняшнего Гомо Сапиенс этой функции, однако для готовности к этой роли Н.Ф. Федоров требует глубокого телесно-энергетического преобразования человека. Возникает вопрос: является ли самосознание человека качеством, отличающим его от других существ, а не простым количеством переданной человеку ответственности за судьбу Мироздания? Ведь никаких шансов объективно оценить свой уровень самосознания у Гомо Сапиенс нет, скорее всего, речь идет о функции, которая есть у всех живых существ, но в разных количествах. Стало быть, если в рамках этих функций бессмертный человек

будет более удобен Мирозданию (и самому себе), чем человек смертный, окажется возможно преобразование и возникновение нового существа, скорее всего, бесполого и бессмертного, весьма далекого по своему внешнему виду и качеству от нынешнего Гомо Сапиенс с его весьма примитивной органической телесностью.

А. Бергсон мыслил о жизни как выражении и следствии пробегающего по мировой субстанции Сознания. Этой же идеи придерживался Э.Л. Радлов, считавший основой эволюции рост уровня сознания во Вселенной¹⁰, причем речь идет не только о процессе рождения, развития ребенка, превращения во взрослого или о возрастании уровня сознания в человечестве по ходу истории, но и о сходных процессах в неорганическом мире — возникновение нефти в земных недрах, формирование экосистемы Мирового океана и пр. В том же русле, отказываясь от антропоэгоизма, В.И. Вернадский ставит в центр движения жизни во Вселенной не человека, а «биосферу», которая представляет собой конгломерат из разных форм «живого вещества». Говоря о жизни как главной ценности Мироздания, он настаивает на том, что нужно «брать все живое вещество в целом, т. е. совокупность всех живых организмов без исключения, как единую особую область накопления свободной химической энергии в биосфере»¹¹. В связи с этим рождается вопрос: не является ли наше представление об абсолютной ценности Гомо Сапиенс простым выражением ограниченности нашего понимания смысла бытия, которое навязано укорененными в мировой культуре антропоэгоистическими клише?

По своим биологическим показателям Гомо Сапиенс мало чем отличается от животных, например от млекопитающих, и оказывается реализацией некоей функции биосферы — функции пока что им самим еще не до конца осознанной. Не случайно Н.Ф. Федоров, сосредоточенный на идее «воскрешения отцов», поднимает «естественный вопрос, который ставится самой природой»: «смертью вызываемые будут все живущие, т. е. сыны и дочери уже умерших или же имеющих умереть родителей <...> все разумные существа» (I, 408). Возникает вопрос, что такое «разумные существа»? Если это существа, наделенные сознанием, то неясно, чем провинились перед мировой историей животные или растения. А.П. Платонов делает следующий шаг в отказе от роли человека как «царя природы» — в его произведениях человек Нового времени серьезно уступает животным и растениям в ответственности по выполнению своей космической функции («Корова», «Джан», «Мусорный ветер» и др.). Уровень осознания человеком своей роли во Вселенной пока что крайне низок, соответствуя небольшим органическим возможностям Гомо Сапиенс, однако и трава, накапливая живую энергию в процессе фотосинтеза, вряд ли отдает

себе отчет в том, куда пойдет накопленная ею энергия и в чем заключается ее роль в Космосе. Гомо Сапиенс может только создавать развернутые ценностные системы, в которых обобщен интуитивный опыт предшествующих поколений по осознанию себя частью Вселенной и выработке рекомендаций практического характера как лучше себя вести в свете полученных данных. Таковы, в сущности, все мировые религии.

Отсюда в решении вопроса о смысле жизни и смерти все дело в границе, которую мы проводим между «я» и «не-я»: «я» мыслится как бы «внутри меня», а окружающий мир как бы «снаружи». Человек мыслит и действует под давлением прошлого, причем не только «своего прошлого», но прошлого всей мировой субстанции, и чем дальше отодвигается пространственная граница, отделяющая «я» от «не-я», тем ближе мы оказываемся к истине. В онтологическом смысле все точки зрения на мир и все тела, существующие во Вселенной, равны между собой, ценностно различаясь только по степени охваченности сознанием. С одной стороны, сознание Вселенной представлено нам в виде набора индивидуальных сознаний окружающих нас живых существ, с другой стороны, при таком подходе человеческое существо оказывается равно по космической своей ценности любому другому живому существу.

Существенно важно, что вещество, из которого построена биосфера, по своим химическим и физическим параметрам ничем не отличается от остального вещества Вселенной; граница между живым и мертвым проницаема, ибо живое и мертвое состоят из одного и того же самоорганизующегося и принципиально живого материала (готового к принятию сознания). Индивидуальность определяется телесностью, она есть форма ограничения присутствующего в нас Сознания Вселенной. Отличие живого тела от «предмета» оказывается относительным, ведь оно также может обладать «индивидуальностью», демонстрируя личное воздействие на реальность. Возможно, что отличие заключается лишь в том, что предмет может быть завершен, а индивидуальность никогда завершена быть не может, здесь скрывается структурно-функциональное различие между существом и вещью; перед индивидуальностью тем самым вырисовывается перспектива неуничтожимости, которую многие трактуют как «спасение». Возможно, что относительно изолированные материальные системы, как, например, человеческое тело, не есть окончательные цели Бытия, но, скорее, практические средства для достижения стратегической цели по вовлечению в сознательную жизнь всей наличной субстанции Мироздания. А. Бергсон считал, что жизнь именно потому и «стремится создать системы, естественным образом изолированные», что ищет путей к индивидуальности, обладающей атрибутом бессмертия¹². С другой стороны, человек есть всего

лишь формально определенная точка развивающегося Сознания, и нет никаких оснований считать ее находящейся на самой вершине в реестре всех форм, существующих во Вселенной.

Итак, жизнь является выражением творческой воли сознания (Сверхсознания), которое пробивается через материю, организуя ее и творя все новые и новые формы, все более и более точно выражающие структуру и органические свойства Вселенной в целом. В окружающей действительности происходят некие изменения, мы придаем этим изменениям какой-то смысл и называем все это «историей». Затем ищем основную тенденцию в этих изменениях, обнаруживаем некую «ось эволюции» (развития и прогресса). Однако поиск этой оси должен определяться качеством целесообразности найденных нами изменений, а целесообразность предполагает, что мы знаем цель этих изменений. Ведь представление о ценностной шкале, которая определяет нашу оценку, лежит в той же плоскости, что и цель, которую преследуют найденные нами изменения. Таким образом, нашу аксиологию определяет представление о цели Мироздания, в то время как само это представление о цели Мироздания вытекает из нашей системы ценностей. Круг замыкается. Однако самое главное здесь то, что история Мироздания равна истории осознания этого Мироздания сознанием (человека), другими словами, эволюция сознания это и есть история эволюции мира. Разумеется, сознание оказывается здесь не «чистым» нематериальным субъектом в духе И. Канта, некой абстрактной точкой наблюдения реальности, но энергетическим и органическим образованием с определенными физическими параметрами.

Фактически речь идет об участке мировой субстанции, наполненной «энергией жизни», это уже не «чистый разум» смотрит в мир, но само вещество смотрит на себя в своей цельности усилиями одной из своих частей. Здесь точка истины Вселенной и личная бытийная точка человека сливаются воедино, диалог человека и Мироздания обретает черты диалога человека с самим собой (и, тем самым, Мироздания с самим собой). Границы Вселенной и границы рефлектирующего сознания совпадают, все Бытие оказывается вмещено в себя сознанием Вселенной, целенаправленно формирующей для себя будущего человека — преображенного, «кафолического» (Н.Ф. Федоров), «автотрофного» (В.И. Вернадский) и «обрученного с веществом» «Нового Ивана» (А.П. Платонов). Диалог в таком варианте обретает характер внутреннего полилога мыслящего и переживающего свое многообразное бытие «живого вещества»: здесь рефлектирует уже не только индивидуум, но сама Вселенная, усилиями части своего «вещества-энергии» в виде сознания человека, мысль которого направлена на «кафолическое действие».

Человеческое существо плотно интегрировано в вещественно-энергетическую картину Мироздания. Человек живет не столько на Земле, сколько в «космической среде мира»¹³, где «кругом нас, в нас самих, всюду и везде, без перерыва, вечно сменяясь, совпадая и сталкиваясь, идут излучения разной длины волн <...> Все пространство ими заполнено»¹⁴. Однако мы не знаем и малой части всех видов энергии и веществ Вселенной, ограниченные своим антропологическим горизонтом, как считал В.И. Вернадский, мы осознаем свое участие лишь в небольшом числе энергий, существующих в космосе: «Из невидимых излучений нам известны пока немногие. Мы едва начинаем сознавать их разнообразие, понимать отрывочность и неполноту наших представлений об окружающем и проникающем нас в биосфере мире излучений, об их основном, с трудом постижимом уму». Область спектра этих изучений составляет «сейчас около 40 октав. Мы можем получить ясное представление об этом числе, вспомнив, что одной октавой является видимая часть солнечного спектра». Другими словами, все виды живого подставлены у Вернадского под «40 октав» космического излучения, из которого разные предметы и организмы выбирают свой регистр, например, Гомо Сапиенс может принимать пока что лишь 4—5 октав, но в будущем, верит ученый — гораздо больше, В частности, мозг уже сейчас в состоянии улавливать сигналы и энергетические подпитки из других регистров, здесь «начинает выясняться, что с точки зрения энергетических явлений в живом веществе фотосинтез происходит не только в особой химической среде, но и в особом термодинамическом поле, отличным от термодинамического поля биосферы»¹⁵. Космологическая и бытийная бедность сегодняшнего состояния человечества определяется тем, что «мы явно не дошли в этой форме до полного охвата мира, до познания всех октав», «их учет и их понимание дело будущего»¹⁶, это и есть задача мыслящего вещества, представленного человечеством¹⁷.

Пока что мы воспринимаем действительность как набор живых точек зрения на нее, промежутки между которыми заполнены «вещами» и «предметами», фактически это все, что мы знаем о мире. Главное наше знание заключается в том, что Мироздание есть, и мы в нем существуем¹⁸. Поток сознания, распространяясь по материи, захватывает все новые области, дробится на части, которые телесно самоизолируются на разных уровнях интенсивности; одновременно их отдельность от всего остального структурно моделирует целое Вселенной. Так возникают индивидуальности, которые А. Бергсон сравнивал с ручейками, «на которые делится великая река жизни, протекающая через тело человечества»¹⁹. Наше сознание работает по принципу установления границ между частями реальности, однако способ градаций и установления отношений между ними (воз-

никновение систем ценностей) связывается нашей телесностью, проходя через фильтр той животной органики, в которую заключена наша точка зрения на мир. Вещество может быть пронизано сознанием на качественно разных уровнях, поэтому «живое» и «неживое» в реальности различаются отнюдь не в привычных для нас жестких рамках, на уровне: что еще шевелится, а что уже нет. А.Л. Чижевский писал: «Из инертного и аморфного вещества Земли возникают сложнейшие системы, части которых находятся в тончайшем резонансе с различными областями мира. И невольно приходит на ум та древняя идея, что и наше познание явлений природы есть не что иное, как воспринятый нашими органами познания отзвук истинных процессов, происходящих во Вселенной»²⁰.

Отсюда в основе вектора «генеральной линии» в продвижении жизни к самосознанию оказывается «точка зрения» («видение»), а жизнь оказывается процессом «продвижения к видению»²¹. Наша индивидуальность, родовая и видовая, выражает в отношении видимой нами картины мира нашу физиологическую природу, наделившую Гомо Сапиенс весьма примитивным аппаратом для принятия информации извне, пресловутыми пятью органами чувств. Каждая форма субстанции или живой организм обладает своим личным уровнем «пронизанности сознанием», каждый индивидуум обладает собственным специфическим видением мира, прямо пропорциональным интенсивности действия сознания в нем. Отсюда вытекает, что индивидуумы каждого жизненного уровня могут видеть реальность только «сверху вниз», их видению доступны формы более низких уровней и недоступны формы уровней более высоких. Поэтому ясно, что каждое живое существо, находящееся в активной сознательной позиции, вне зависимости от уровня развития сознания в нем, находит себя «царем» всего, что попадает в пределы его кругозора. Муравей не поймет (не воспримет) устройство автомобиля, даже переползая его по диагонали; равно и человек не видит и не понимает многого, что находится выше него в реальности субстанции, пронизанной Сознанием. То, что видим как «пространство» и «время», есть лишь приближенная к нашим возможностям, сниженная до нашего уровня понимания модель реальности, и довольно часто свое непонимание мы выдаем за хаос в организации объекта наблюдения. Более высокий уровень бытия недоступен для полноценного восприятия предыдущему, каждый из уровней считает себя самым верхним, не видя остальных; время на каждом уровне течет по-своему и пространство организовано в соответствии с органическими и интеллектуальными возможностями каждого индивидуума. Другими словами, на следующем относительно человека уровне бытия («измерении») времени нет, как и других антропоморфных клише, выдумок человека в ряду тех многочис-

ленных познавательных костылей, с помощью которых он интерпретирует явления, напрямую не поддающиеся пониманию²².

Всеобщее не помещается в рамки рационального мышления, и интеллект буксует, когда человек пытается применить его для познания свойств Мироздания как Целого, призванные на помощь абстрактные понятия выручают далеко не всегда. Бергсон не верил, что научное знание сможет охватить вопрос о смысле Бытия, предмет изучения шире возможностей интеллекта как основного инструмента познания. Дело тут в том, что инстинктивное и интеллектуальное знание — это два расходящихся направления развития одного и того же начала, Сознания, «которое в одном случае остается внутри себя самого, в другом же идет вовне и углубляется в утилизацию неорганизованной материи: это непрерывное расхождение свидетельствует о радикальной несовместимости интеллекта с инстинктом и о невозможности для первого вообрать в себя второй»²³. Для того чтобы компенсировать этот порок нашего видения мира, А. Бергсон предлагал заглушить голос разума, навязывающего нам ложные модели, и уповать на интуицию — непосредственное, внечувственное и практическое восприятие реальности Космоса, которое присутствует в нас, пусть и в весьма ослабленной форме²⁴. Персонажи произведений А.П. Платонова активно эксплуатируют принципы «индуктивной интроспекции», формируя события, указывающие на разные тематические слои и уровни практического освоения реального «вещества жизни». Герой повести «Сокровенный человек» Пухов сосредотачивается на непосредственном восприятии реальности, называя себя «природным дураком», что означает: человек, сознательно отказавшийся от претензий интеллекта на главенствующую роль в управлении процессами жизни, в частности, его собственного организма²⁵.

Мысль не может охватить Вселенную потому, что сама она является «лишь одной ее эманацией, одной ее стороной»²⁶, другими словами, сама мысль — есть часть субстанции Вселенной, и она по определению не может быть отождествлена со всем целым, ведь лишь с помощью восприятия предметы «выкраиваются» из реальности, которая есть одно нерасчленимое целое. Подчеркивая априорную невозможность охвата мыслью Вселенной, Бергсон приводит в пример гальку, выброшенную на берег, которая отнюдь не воспроизводит форму волны, которая ее выбросила²⁷, «кругозор» и «окружение» не сливаются в одной точке наблюдения.

Функция живого существа — быть проводником Сознания в «косную» (не вовлеченную в жизнь) субстанцию. Жизненный порыв состоит «в потребности творчества»²⁸, которое может быть приложено к любому участку мироздания, но лучше всего — непосредственно к земле. Этот жизненный порыв, или «творческое начало», не может работать безо всяких ограниче-

ний, так как сталкивается с косной материей, «с движением, обратным его собственному»²⁹. Основная задача жизненного потока и человека, как выразителя его интересов, заключается в том, чтобы увлечь неорганизованную материю «на иной путь»³⁰, в то время как «сопротивление со стороны неорганизованной материи является препятствием, с которым нужно справиться прежде всего»³¹. Исходя из этого, А. Бергсон предлагает делить всю материю на «организованную» и «неорганизованную», которые пребывают в едином «механизме реального целого», «естественной системе» всей Вселенной³². В этом смысле «именно человек составляет смысл всей организации жизни на нашей планете»³³, оказываясь на сегодняшний день самым адекватным выражением «генеральной линии» творческой эволюции материи, подверженной действию сознания, разбитого на точки и воплощенного в индивидуумы. Вырисовывается задача: остановить энтропию материи, «организовать» ее, вводя в нее максимальное число неопределенности и свободы, расшатать ее статичность и косность³⁴. На вопрос героя повести А.П. Платонова «Котлован» Вошева, обращенный к землекопам, о цели их деятельности, они отвечают: «Мы же всем организациям существование даем!»³⁵. Дать существование всем организациям означает: полностью слиться с вечностью, обрести бессмертие. В черновом варианте повести, в заявлении о приеме на работу, Вошев указывает, что «истина — это потребность», и эта потребность заставляет его заняться «трудом над организацией вечности»³⁶.

Наращивание энергетического потенциала «живого вещества» становится возможным за счет того, что отношение между биосферой и минеральными веществами, согласно гипотезе Вернадского, не симметричное: «Атомы, вошедшие в какую-нибудь форму живого вещества, захваченные единичным жизненным вихрем, с трудом возвращаются, а может быть и не возвращаются назад в косную материю биосферы». В описании этого процесса Вернадским неожиданно появляются атомы, которые являют нам свою волю, в буквальном смысле не желая возвращаться назад в косную материю, и живущие теперь совершенно новой жизнью, «все время находящиеся в движении и в миграциях»³⁷. Фактически здесь поставлен вопрос о неуничтожимой, наращивающей свой потенциал «живой субстанции», о существовании реального вечного живого «существа-вещества», частью которого является и человек. Понимая серьезность этого вопроса, явно выходящего за рамки биохимии, ученый недвусмысленно подчеркивает: «Это эмпирическое обобщение — в связи с той совершенно неожиданной и своеобразной картиной, какую оно нам рисует — невольно заставляет углубиться в те следствия, которые могут быть сделаны... Сейчас можно это делать только гипотетически»³⁸. Герои произведений А. Платонова не

только «углубляются в следствия» этой гипотезы, но пытаются практически применить их на деле, в некоем плане или проекте, в рамках которого их участие в живом круговороте вещества оказывается уже не случайным, а осознанным и целевым, а входящее в состав их тел «вещество, захваченное жизнью», уже никогда с этой жизнью не расстается. Вопрос, который ставит Вернадский и который может поставить все точки над *i*: «Являются ли атомы, так удержанные живым веществом, теми же, какие мы видим в косной материи?»³⁹. Это, прекрасно понимает Вернадский, вариант вопроса о вечном бытии, в такой его постановке указывающий на путь его решения.

Такого рода модель эволюции отвергает и дарвиновскую теорию, и любую форму «запланированности» Вселенной, в первом случае все живые существа оказываются жертвами случайных обстоятельств, к которым они с переменным успехом пытаются приспособиться, во втором случае — живые существа оказываются простыми винтиками некоей исторической машины, лишаящей их свободы, а их существование — смысла. На самом деле, по мнению Бергсона, «здесь есть нечто большее и лучшее, чем выполняющийся план»⁴⁰, и это лучшее — процесс свободного творческого развития мировой субстанции, где человек и его самосознание выполняют роль прямого выражения интенций саморазвивающейся живой материи. Возникает мысль о том, что Вселенная, для уяснения смысла бытия себя самой, создает особый орган или инструмент для этого — человеческий мозг, который решает задачи в силу своего развития и по мере того, как это развитие, частью которого он является, ставит все новые и новые задачи; согласно мнению Н.Ф. Федорова, человек во Вселенной обязан занять место, подобное тому, какое занимает мозг в теле человека (I, 389).

Мировой процесс для В.И. Вернадского — постепенное обращение человечества в единое Самосознание Вселенной, рождающиеся и умирающие люди есть новые и новые попытки Сознания организовать точки зрения на реальность, все более и более адекватные вектору «генеральной линии»: «Каждая личность является отдельным борцом проникновения Сознания в мировые процессы»⁴¹. Представление о саморазвивающемся через материю Сознании формировалось в системе В.И. Вернадского параллельно и очень близко к А.П. Платонову: «личность» — это очередной новый вариант пути самосознания Вселенной, пытающейся познать реальность, т. е. саму себя. Для борьбы с тенденцией гибели и смерти «живое вещество» Мироздания подвигло человека, который обязан бороться не за свою личную жизнь как абсолютную ценность (гуманизм) или за бытие человечества как абсолютной ценности (антропозгонизм), но за более полное

проникновение сознания в мировую субстанцию, что означает онтологическое возрастание и более полное качественное слияние жизни каждой индивидуальности и жизни Вселенной.

Совершенствою свою функцию внешней по отношению к жизни точки зрения, человек привлекает к творческому процессу Мироздания «неорганическую материю», которую он превращает, как пишет А. Бергсон, в один единый «бесконечный орган» развивающегося самосознания Вселенной⁴². Здесь выявляется двуединая природа человека: слабое в биологическом отношении существо, подчиненное всем внешним силам, и важная, актуальная точка в развитии живого во Вселенной (хотя и не высшая), принимающая на себя большую и ответственную нагрузку Сознания. Отсюда возможно принять биологическую смерть человека как форму самообновления живого вещества, стремящегося к совершенству, однако никакой другой смерти, кроме биологической, в этом не выявлено. Принципиально важно, что состояние сознания вовсе не тождественно состоянию мозга человека: «Судьба сознания не связана поэтому с судьбой мозговой материи»⁴³. Так сознание убитого нацистами «физика космических пространств» Альберта Лихтенберга в повести А. Платонова «Мусорный ветер» продолжало действовать и развиваться, в то время как его тело подверглось мутации, обратившись в «неизвестное животное»⁴⁴. Накопленный индивидуальным сознанием мыслительный запас, в виде опыта, следа его действий и памяти, существует и в мозге человека и, одновременно, в не связанном «с судьбой мозговой материи» виде всеобщей памяти «вещества жизни» о себе самой. Включая и индивидуальную личную память умершего человека, с поправкой: не его память о Вселенной и своей жизни, а память Вселенной о нем и его жизни, точнее — память Сознания о своей неотъемлемой и ценной части. Но это, конечно, не антропоморфная память Гомо Сапиенс «кинематографического типа», она качественно отличается от того, что мы обычно называем «памятью».

Бытие субстанции, оформленной в виде ряда индивидуумов различных типов и уровней, практически реализуется в форме «длительности», а пространственно-временная протяженность Континуума обеспечивает континуальность самого сознания. Субстанция, дающая материал для формальных исканий Сознания, имеет те же параметры и характеристики, что и вся остальная реальность. Таким образом, все продукты деятельности сознания, другими словами, все результаты, итоги и достижения жизни как процесса навсегда остаются в реальности, связываясь онтологически: прошлое, будущее и настоящее сосуществуют одновременно в неразрывной протяженности Континуума. Здесь можно вспомнить мысль бл. Августина о вечности, пребывающей одновременно в прошлом, настоящем и бу-

душем («град Божий вечен, постоянно сохраняется, есть всегда и является целью для всего сущего. Он есть начало, середина и конец мирового процесса»), возможно, это первая наметка этой идеи в мировой философии. «Единство природы не внешнее, а сокровенное и внутреннее, — пишет А. Бергсон. — Для того, чтобы его обнаружить, необходимо сосредоточиться на том, что максимально далеко от автоматических познавательных моделей интеллекта, — поищем в глубине самих себя такой пункт, где мы более всего чувствуем, что находимся внутри нашей собственной жизни. Мы погрузимся тогда в чистую длительность, в которой непрерывно действующее прошлое без конца набухает абсолютно новым настоящим»⁴⁵, в эволюции самого сознания, «прошлое напирает на настоящее и выдавливает из него новую форму, несоизмеримую с предшествующими»⁴⁶. Другими словами, никакой окончательной «смерти» нигде и ни в чем нет, но есть переходы субстанции из одной формы в другую, с сохранением всего самого ценного, что было выработано в одной из форм при переходе в другую. То, что Гомо Сапиенс способен увидеть лишь настоящее в виде пресловутого «текущего момента» и сохранять некоторые фрагменты пережитого в своей памяти, не является важным свойством «вещества жизни» или представленного в нем Сознания, но всего лишь органическим свойством мировосприятия Гомо Сапиенс. Сокровенно существующее в субстанции Сознание предоставляет ей свободу самоосуществления, однако эта же свобода с ее открытостью в будущее создает перспективу «возможности», тем самым закрывая от нашего взора будущее и отодвигая «в память» прошлое.

В соответствии с биологической структурой Гомо Сапиенс, его восприятию доступны в Континууме четыре измерения, однако нет никаких оснований считать, что их не пять или больше. Еще в 1920-е гг. из Общей теории относительности Эйнштейна был сделан вывод о том, что их, как минимум, на одно больше: «Каждая частица материи, это "источник" или "сток" четвертого измерения пространства... Материя есть, по существу, нечто "духовное": вытекающая из области духа в трехмерное пространство, она становится "материальной" физически; втекающая обратно в область духа, материя снова превращается в духовное начало»⁴⁷. В рамках Общей теории относительности А. Эйнштейна теряют свой смысл привычные понятия длины и одновременности, в том числе и известное «Лоренцово сокращение» (все тела сокращаются в направлении движения). В природе не существует абсолютного и прямолинейного движения, любое движение в любом направлении может быть определено только «относительно» чего-либо за пределами этого тела⁴⁸. Отсюда ясно, что принятое цивилизованным человечеством понятие о времени, которое плавно перетаскива-

ет окружающее пространство за пределы текущего момента нашего непосредственного восприятия, нуждается в серьезной поправке.

О существовании неразрывной связи между разными точками отсчета и временем, неискоренимо бытующем в вечности, догадывался Н.Ф. Федоров: «Время есть не только движение, но и действие, делающее возможным само движение» (II, 250). А. Бергсон поддерживает эту точку зрения: «Наше сознание есть сознание определенного живого существа, находящегося в известной точке пространства; и если оно идет в том же самом направлении, что и его первоначало, то оно также постоянно устремляется и в обратном направлении, вынужденное, двигаясь вперед, смотреть назад»⁴⁹. Возможность пребывания в другом времени и пространстве Бергсон называет «ретроспективным видением», говоря о том, что это неотъемлемый атрибут ясного сознания, свободного от крепостной зависимости «текущего настоящего», представленного пространственно. Отказ от телесной индивидуальности здесь выглядит как благо освобождения из плена лжи и иллюзий. Решать, что человек после разрушения его организма весь и полностью исчезает из Мироздания, значит впадать в противоречие — физическое тело человека отнюдь не весь человек, так же как видимая нами трехмерная реальность, существующая «во времени», отнюдь не все Бытие. Ясно осознал это А.Л. Чижевский: «Можем ли мы изучать организм как нечто обособленное от космотеллурической среды? Нет, не можем, ибо живой организм не существует в отдельности, вне этой среды, и все его функции неразрывно связаны с нею»⁵⁰. Эта спасительная взаимосвязь открылась А.П. Платонову в годы создания «Котлована», когда он особенно напряженно думал о космической функции человека, необходимости полноценно использовать энергию сознания и, с ее помощью, сохранять «вещество жизни» от гибели. Писатель сделал следующую запись в своей «книжке»: «Человек существо двойное — вот основа его психологии, двойное не в смысле двурушника, а м<ожет> б<ыть>, скорее ангела-хранителя»⁵¹, продолжая мысль Н.Ф. Федорова о любви как векторе, указывающем человечеству направление от смерти к жизни («исключающей возможность смерти» — I, 409). Как пишет А. Бергсон, «существует только известное жизненное течение и другое, ему противоположное; отсюда вся эволюция жизни»⁵².

При посещении могилы отца Саша Дванов в «Чевенгуре» А. Платонова слышит его жалобу на нынешние скудные возможности для жизни. Однако, когда Дванов в ответ плачет, отец утешает его, указывая, что потенциал «вещества жизни» еще очень велик, это доказывается тем, что походный посох, который когда-то воткнул в землю Саша, обратился в дерево: «Зачем ты плачешь, шкалик? — сказал отец. — Твоя палка разрослась

деревом и теперь — вон какая, разве ты ее вытащишь!»⁵³. Смерть, таким образом, трактуется лишь как переход части «живого вещества» из одного термодинамического поля в другое, при этом совокупная сумма веществ и энергий остается неизменной, меняется лишь их соотношение. В «Биосфере» Вернадский пишет: «Поле устойчивости жизни далеко, как мы увидим, превышает поле биосферы, определяемое характеризующими ее независимыми переменными, принимаемыми во внимание при изучении могущих иметь в ней место физико-химических равновесий»⁵⁴. Поскольку ничего окончательно мертвого во Вселенной нет, каждому кусочку «вещества» могут быть предоставлены безграничные перспективы для возрастания его «сокровенного» качества, поэтому форма существования прямо зависит от роста энергетики жизни и определяется только ею. Если падение энергии может вызвать уподобление человека животному или даже минералу (например, в случае биологической смерти), то любой предмет имеет возможность перейти в новое состояние, попадая в поле тяготения движущегося Сознания. Следовательно, как время есть лишь доступная нашему нынешнему сознанию форма вечности, так и живое есть определенная форма, срез пространства «вещества мироздания», никогда до конца не мертвого; здесь не бывает отсутствия жизни, но бывает жизнь в форме, плохо понятной и слабо уловимой изнутри обыденного мира.

Жизнь в целом предстает перед нами «усилием, направленным на то, чтобы накопить энергию и затем пустить ее по гибким извилистым каналам, на конце которых она должна выполнить самые разнообразные работы»⁵⁵. По мнению Бергсона, именно это и есть генеральный план Жизненного порыва, проходящего через материю. Вернадский указывает, что, участвуя в энергетических процессах Вселенной, человек оставляет на ней неизгладимый след в виде события ее энергетической истории, несомненный и отчетливый для нее. Сложив вместе две гипотезы — о роли человека как носителя сознания в Космосе (Н. Федоров, А. Бергсон, В. Вернадский) и о том, что мысль и сознание — это виды космической энергии, специфические для человека (В. Вернадский, Н. Умов, А. Платонов), получаем, что человек как этико-эстетическая и энергетическая индивидуальность не подвержен забвению или уничтожению.

Практическая деятельность варианта такой бытийной точки, человека, основанная на обмене информацией о характерной для личной индивидуальности бытийной позиции, является не «отражением жизни», но собственно жизнью как энергетическим обменом, связанным с улавливанием и передачей энергий. Живое понимается здесь как форма космической энергии, тем более полезная для «генеральной линии», чем больший потенциал она хранит при наименьших собственных затратах и наимень-

шем объеме массы⁵⁶. Энергия и масса, по Эйнштейну, тождественны⁵⁷, мы подвигаемся к мысли о том, что, в конце концов, распределение этой энергии должно выйти на оптимальный режим, и здесь роль человека в мыслимом Вернадским «геологическом времени» будет только возрастая. Согласно этой логике, живой организм является трансформатором энергии: «По существу, биосфера может быть рассматриваема, как область земной коры, занятая трансформаторами, переводящими космические излучения в действенную атомную энергию — электрическую, химическую, механическую, тепловую и т. д.»⁵⁸. Если пространство определяется набором вещей, которые его определенным образом структурируют, то сами вещи распределяются в пределах их «полей тяготения». В Мироздании нет областей, свободных от действия тяготения, метрические отношения каковы бы ни было данного места полностью зависят от поля тяготения в нем. Отсюда возникает вопрос о свойствах и связях «тяготения», которое не может не быть связано с Сознанием. Главные два параметра, важные для нас, следующие: в гравитационном поле нельзя измерять длины и время с помощью часов и систем измерения, скорость света в нем не постоянна, но может изменяться в зависимости от гравитации, Общая теория относительности А. Эйнштейна здесь побеждает Специальную теорию относительности.

Изменение точки отсчета придает параметрам образующейся картины мира совершенно иной характер. Возможно, что мысль, вырабатываемая мозгом человека, есть вид энергии, пронизывающий вещество и меняющий его свойства, и поэтому мыслящий (творящий) человек включен в единую энергетическую картину Космоса не менее интенсивно, чем любой другой генератор или «резонатор»⁵⁹. «Развиваясь под непрерывными потоками космической радиации, — пишет А.Л. Чижевский, — живое вещество должно было согласовать с ними свое развитие и выработать соответствующие приемники, которые бы утилизировали эту радиацию, или защитные приспособления, которые бы охраняли живую клетку от влияния космических сил. Но несомненно лишь одно: живая клетка представляет собой результат космического, соляного и теллурического воздействий и является тем объектом, который был создан напряжением творческих способностей всей Вселенной. И кто знает, быть может, мы, "дети Солнца", представляем собой лишь слабый отзвук тех вибраций стихийных сил Космоса, которые, проходя окрест Земли, слегка коснулись ее, настроив в унисон дотоле дремавшие в ней возможности»⁶⁰. Повторяя мысль А. Бергсона о роли живого вещества во Вселенной, он добавляет: «Встречая жизнь, они отдают ей свою энергию, чем поддерживают и укрепляют ее в борьбе с силами неживой природы. Органическая жизнь только там и возможна, где имеется свободный доступ космической радиации, ибо жить — это

значит пропускать сквозь себя поток космической энергии в кинетической ее форме»⁶¹.

Следует отметить, что А. Эйнштейн признавал существование индивидуальных форм в энергетических полях Вселенной в виде «модусов эфира»; называя эту индивидуализированную субстанцию «релятивизированным эфиром», т. е. способным искривляться, он настаивал на возможности возникновения в нем некой «весомой материи», связанной с определенной точкой отсчета или действием⁶². Фактически поддерживая идею А. Бергсона о «длительности», он утверждал, что «мировая линия какой-нибудь материальной точки есть геодезическая линия в пространственно-временном континууме»; другими словами, А. Эйнштейн выделяет «точку-событие» (Punktereigniss), «мировую точку А пространственно-временного континуума, координаты которой определяются в связи с временем, массой и энергией»⁶³. Кантовский категорический императив из морально-психологической области переходит в область практической онтологии в теореме Н.А. Умова: противостояние человечества энтропии, губящей и/или останавливающей его порыв к вечности, есть «стройность», своего рода выражение негэнтропийного потенциала творческой, организационной деятельности человечества⁶⁴. Сам Умов был уверен в глубокой связи между энергетическим потенциалом мысли и ее этическим наполнением — борьба с окружающей человека слепой материей, «со случайным распорядком событий в природе» идет «за осуществление высших проявлений стройности — этических идеалов»⁶⁵.

М. Планк предпринимал попытку решить эту проблему со стороны «термодинамической», устанавливая связь между энергией резонатора и его энтропией. В основе опытов М. Планка лежало изучение взаимодействия между несколькими «резонаторами», которые, находясь в пустом пространстве, «поглощая и испуская электромагнитные волны, будут обмениваться друг с другом энергией»⁶⁶. В результате удалось найти то, что Планк называет «универсальным законом природы» — квантовую механику. Отождествляя выражение энергии системы резонаторов с энергией твердого тела, Планк получил в итоге формулу для теплоемкости твердого тела, которая, в свою очередь, смогла поддержать новое представление о физике твердых тел, основанную на фундаментальном представлении о «кванте энергии» или «кванте действия», что означало «преобразование самых основ нашего физического мышления»⁶⁷. Была найдена константа, в виде общей зависимости «между энергией резонатора определенного периода и энергией излучения соответствующей спектральной области в окружающем поле при стационарном обмене энергией», т. е. выяснилось, что резонатор демонстрировал некие свойства, похожие на облада-

ние чем-то вроде индивидуальности: «Резонатор реагировал только на те лучи, которые он сам испускал, и оказывался совершенно нечувствительным к соседним областям спектра»⁶⁸. Осталось сделать только один шаг, чтобы связать это с индивидуальностью живого существа, например, человека. Один из них, как представляется, это «М-теория», описывающая реальность как сочетание одномерных струн⁶⁹, формирующих параметры пространства и времени, и учитывающая тяготение как универсальный закон связи между всем и всем.

Из гипотезы о пронизанности сознанием каждого сцепления материи К.Э. Циолковский сделал вывод о том, что каждый кусочек материи, вплоть до атома, обладает «сознанием», а значит — творческой волей, которая выражается в его движении, реализации сил притяжения и отталкивания⁷⁰. Тяготение, тем самым, выступает как вариант того вида энергии, который на уровне общения живых организмов между собой называется «любовью». Этот вид энергии, специфический для многих живых существ, включая человека, выражает вариант энергетического модуса более общего типа. И как всякий вид энергии, может вырабатываться, накапливаться и передаваться от одной части Вселенной к другой. Тяготение и любовь связываются в одно целое в картине мира, представленной в произведениях А. Платонова⁷¹. Нечто подобное — энергию жизни, накопленную в тканях организма, — А. Бергсон называл «гликогеном»⁷², считая, что ее необходимость диктуется необходимостью подготовить творческий взрыв, а также обеспечить личные потребности организма. Действие этой энергии жизни проявляется лучше всего в «виде некоторых проявлений материнской любви, столь поразительной и даже трогательной у большей части животных, наблюдаемой и в заботах растений о своем зерне»⁷³.

Целый ряд мыслителей осознавал любовь как онтологический акт, событие, активизирующее эйнштейновскую «точку-действие»⁷⁴. Бергсон отказывается различать вещь, которая делает, и вещь, которая делается. Речь идет лишь о том, что жизнь есть движение, нерасчленимое как фрагменты: «Вещи и состояния — это только снимки, в которых наш разум схватывает процесс становления. Не существует вещей, есть только действия»⁷⁵. По П.А. Флоренскому, любовь — это «переход в новую действительность», при котором, «поднимаясь над границами своей природы, "я" выходит из временно-пространственной ограниченности и входит в вечность. Там весь процесс взаимоотношения любящих есть единый акт, в котором синтезируется бесконечный ряд, бесконечная серия отдельных актов любви <...> Я является одним и тем же с другим Я и, вместе, отличным от него»⁷⁶. В «Реке Потудань» А.П. Платонов показал реальность такого неслиянно-нераздельного существования любящих, которым уже нечего добавить

к тому наличествующему у них процессу любви, который не желает распадаться на отдельные акты. Писатель полагал, что мир движется и не угасает именно благодаря наличию этой универсальной живой энергии, основанной на деятельности любящих живых существ, которые подпитывают Вселенную мыслью, пронизанной любовью. Возможно, что именно на пути изучения связи между космическими энергиями и их видами, специфическими для человека, можно приблизиться к тайне бытия, а смысловое пространство этой тайны лежит в понимании того, что «живое существо есть главным образом промежуточный пункт и что самое существенное в жизни заключается в уносящем ее движении»⁷⁷. Если энергия переходит в массу, а мысль есть форма энергии, если нет предметов вне гравитации, а любовь есть вариант «гравитации», значит, онтологическая память Вселенной реальна.

Разумеется, нелегко избавиться от образа песочных часов, когда думаешь о времени, но сделать это необходимо, иначе реальность предстает перед нами в искаженном виде — в виде «кинематографической ленты», когда на экране в один момент времени виден только один кадр из тысячи, которые также существуют в реальности, хотя и недоступны нашему зрению все одновременно. Человеческая жизнь и вся Вселенная бесконечно «длется», это и есть то, за что мы принимаем время и пространство, однако длительность оставляет на субстанции отпечаток действий, которые с ней производились. Прошлое — это и есть набор таких отпечатков, никаких повторений в Мироздании нет, любой предмет несет в себе образ всего прошедшего во всей полноте, залогом которой является неотделимость этого предмета от всего остального «вещества жизни». Память, таким образом, оказывается не картотекой или каталогом — «перечнем воспоминаний» и «набором полочек» архива: «Здесь нет ни перечня, ни полочек <...> прошлое сохраняется само собою, автоматически»⁷⁸. Это прошлое следует за нами «целиком», в нерасчленном виде, а наш мозг, к сожалению, для того и создан, чтобы отсеивать «лишнее» сохраняя «важное», другими словами, отсеивать непонятое и портить полноту информации⁷⁹.

Инстинктивное знание, которое связывает человека с вечностью, когнитивно существует в самом единстве жизни, которое обеспечивает неразрушимое реальное существование всего бывшего во Вселенной. Мозг Homo Сapiенс и личная точка зрения индивидуального «я» суть неотъемлемые части сознания Вселенной. Мозг — это лишь внешняя сторона, орган и инструмент для работы с теми тонкими энергиями, которые сохраняют в вечности мысль-действие и «точку видения» субъекта. След действия мысли-любви сохраняется в онтологической памяти Вселенной и после того, как мозг разрушается, подобно тому, как может сейчас существовать музыка,

написанная давно умершим композитором, после его смерти она не становится хуже. Эта вещественно-энергетическая сущность возвращается в «вещество существования», которое само по себе есть бессмертный и неуничтожимый фонд памяти Вселенной о самой себе. Каждый предмет есть своего рода «отложение» двигающегося вперед жизненного порыва, на своем пути создающего и пересоздающего материальные формы. Когда Дванов в «Чевенгуре», уходя из жизни, говорит: «Буду все помнить», он не демонстрирует свою надежду на хорошее запоминание, но артикулирует неотъемлемое свойство любого фрагмента мировой субстанции, как его понимал А.П. Платонов. Заметим, что человек ничего не может вычеркнуть из своей памяти сознательно, и это лишь подтверждение того, что и в памяти Вселенной все сохраняется навсегда. Поскольку эта длительность субстанции вечна и необратима, становится возможной мораль. Как пишет Бергсон, «повсюду, где что-нибудь живет, всегда найдется раскрытый рестр, в котором время ведет свою запись»⁸⁰.

Эту мысль, помимо В.И. Вернадского и А.П. Платонова, тонко почувствовал П.А. Флоренский. Познакомившись с концепцией «биосферы», из мысли о «неотъемлемости от жизни того вещества, которое вовлечено в круговорот жизни» он делает вывод о возможности существования «особой изотопичности этого вещества»⁸¹. В следующем шаге в этом направлении он предполагает возможность существования единого живого качества вещества, где мысль и материя, духовное и телесное не разделены. Концептуально соединяя Н.Ф. Федорова и В.И. Вернадского, Флоренский пишет: «У платоника Ксенократа говорится, что душа (т. е. жизнь) различает вещи между собою тем, что налагает на каждую из них форму и отпечаток <...> Согласно этой теории, индивидуальный тип человека, подобно печати и оттиску, наложен на душу и на тело, так что элементы тела, хотя бы они и были рассеяны, вновь могут быть узнаны по совпадению их оттиска и печати»⁸². Однако если речь идет об имманентном и равном себе «веществе жизни», оттиск — это акт энергетической памяти того «трансформатора-аккумулятора-генератора» энергии жизни каждого комочка материи, вовлеченного в процесс жизни. Отсюда вывод: «Таким образом, духовная сила всегда остается в частичках тела, ею оформленного, где бы и как бы они ни были рассеяны и смешаны с другим веществом. Следовательно, вещество, участвовавшее в процессе жизни, и притом жизни индивидуальной, останется навеки в этом круговороте, хотя бы концентрация жизненного процесса в данный момент и была чрезвычайно малой»⁸³. Двигаясь дальше, можно ставить вопрос о существовании «пневматосферы», которая есть один из планов выражения «вещества жизни» в диапазоне тех энергетических октав, которые пока не доступны Гомо

Сапиенс, разумеется, там сохраняется след всех живых существ, частью и выражением которых они были. Следовательно, понятие об энергетической «памяти» становится важнейшим компонентом того «следа», которое оставляет живое существо на Земле, является символом и залогом вещественно-энергетического бессмертия, в таком понимании не только возможного, но реально существующего.

Не случайно самым перспективным методом познания для Гомо Сапиенс Бергсон считал «интроспекцию» — физическое погружение в реальность, представленную мировой субстанцией. За счет непосредственного физического контакта и проникновения в субстанцию возможно, по мнению Бергсона, понять и принять связь личного индивидуального бытия со всей Вселенной. Разумеется, такого рода установка приводит к возникновению новой картины мира, описанием которой являются, в частности, произведения А.П. Платонова, герои которого систематически закапываются в землю, обращая землеройные инструменты в орудия поиска истины («Котлован», «Ювенильное море», «Чевенгур», «Джан» и др.). Согласно этой идее, погружаясь в «вещество», можно понять не только это «вещество», но и самого себя, ведь самопознания, отдельного от познания «вещества» нет. С другой стороны, личная память оказывается атрибутом пронизанного сознанием и присутствующего в теле человека «вещества жизни», которое никуда не исчезает, так как энергетическая цельность Вселенной — гарантия сбережения этого вклада⁸⁴. С точки зрения сохранения информации о человеке, его биологическая смерть оказывается переносом частного архива из приватной квартиры в центральное архивохранилище, в прямом смысле онтологизированный информационный ресурс, сохраняющий реальность своего пространства во всех ее бывших проявлениях и непосредственном виде, так как «если прошлое растет бесконечно, то оно и сохраняется бесконечно»⁸⁵.

Примечания

¹ Заметим, что эта мысль Н.Ф. Федорова была впоследствии детально разработана в книге Н.А. Бердяева «Смысл творчества» (1917).

² Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2006. С. 153. Актуальность этой идеи подчеркивается необычайной популярностью мысли о порочности «логоцентризма», которую на протяжении последних десятилетий развивали классики постмодернизма и постструктурализма (Ж. Деррида, Ж. Делез и др.).

³ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 145. Нельзя не заметить, что параметры соловьевского космизма близко подходят к бергсоновской онтологии, у обоих на первом плане идея о всеединстве и принципиальной органичности мира, о человеке как проводнике божественной воли, устроителе

и организаторе Вселенной. Оба настаивали на том, что мир постигается средствами, не совпадающими с разумом и интеллектом (у Соловьева — «софийность», у Бергсона — «интуиция»).

⁴ С этим согласны далеко не все: см. описание «параметров космизма» в статье: *Фесенкова Л.В.* Русский космизм сегодня // Русский космизм и современность. М., 1990.

⁵ В связи с этим С.Г. Семенова справедливо указывает на повышенное внимание В.И. Вернадского к концепции энцефалоза или цефализации Д. Дана (*Семенова С.Г.* Философия воскрешения Н.Ф.Федорова — 1, 13).

⁶ Бергсон постоянно подчеркивает «линии», по которым идет эволюция живого во Вселенной, выделяя из них главную. Свою «Творческую эволюцию» он начинает с мысли о том, что «на линии, восходящей через ряд позвоночных к человеку, возник интеллект»; линия усложнения сознания в разных формах живых существ для Бергсона — основная характеристика развития материи, разные виды разных живых существ располагаются «по одной линии», «эволюция в целом совершается <...> по прямой линии» (*Бергсон А.* Творческая эволюция. С. 33, 144, 180).

⁷ Там же. С. 120.

⁸ См. об этом работу автора: *Баршт К.А.* Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб., 2005. С. 12—35. «Мировая линия», обозначающая движение точки в произвольном направлении по оси времени в физической концепции Минковского называется «мировой линией» (*Шлик М.* Время и пространство в современной физике. Пер. с нем. П. Юшкевича // Теория относительности Эйнштейна и ее философское обоснование. М., 1923. С. 40).

⁹ *Вернадский В.И.* Научная мысль и научная работа как геологическая сила в биосфере // *Вернадский В.И.* Труды по философии естествознания. М., 2000. С. 318.

¹⁰ *Радлов Э.Л.* Трансформизм и эволюция // Теория развития. Сб. ст. СПб., 1904. С. 214.

¹¹ *Вернадский В.И.* Биосфера. Ч. 1. Л., 1926. С. 27—28.

¹² *Бергсон А.* Творческая эволюция. С. 50.

¹³ *Вернадский В.И.* Биосфера. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 7.

¹⁵ *Вернадский В.И.* Биосфера. С. 18—19. Эта мысль встречается также у В.Ф. Одоевского: *Одоевский В.Ф.* 4338 год // Русский космизм. Антология философской мысли. М., 1993. С. 48.

¹⁶ *Вернадский В.И.* Биосфера. С. 7—15.

¹⁷ Ср. с мнением Н.А. Умова о том, что во Вселенной есть план, который реализуется особым свойством вещества — «силой превращения» — «низшие формы природы не могут без особо заложенной в них силы превращаться в высшие <...> Эта сила развития направляет живое от автоматизма к сознанию и это направление есть источник эволюции и ее план» (*Умов Н.А.* Собрание сочинений. Т. 3. М., 1916. С. 199).

¹⁸ «Из всего того, что существует, нам наиболее достоверно и лучше всего известно, безусловно, наше собственное существование» (*Бергсон А.* Творческая эволюция. С. 39).

¹⁹ Там же. С. 262.

²⁰ *Чижевский А.Л.* Колыбель жизни и пульсы Вселенной // Русский космизм. Антология философской мысли. С. 326.

²¹ *Бергсон А.* Творческая эволюция. С. 116, 118.

²² В связи с этим Э.Л. Радлов замечает: «Какие бы грани мысль не ставила между живым и мертвым, между душою и телом, между имманентным и трансцендентным — все эти грани должны оказаться лишь искусственными подпорками человеческого ума, ме-

шающими понять жизнь единой, нераздельной природы» (*Радлов Э.Л. Трансформизм и эволюция // Теория развития. Сб. ст. СПб., 1904. С. 218*).

²³ *Бергсон А. Творческая эволюция. С. 177.*

²⁴ «Если бы проснулось дремлющее в нем сознание, если бы он был направлен внутрь, в познание, а не вовне, в действие, если бы мы умели его спрашивать, а он мог бы нам отвечать — он открыл бы нам самые сокровенные тайны жизни» (*Бергсон А. Творческая эволюция. С. 175*).

²⁵ «Коммунист — это умный, научный человек, а буржуй — исторический дурак. Я — природный дурак» (*Платонов А. Сокровенный человек // Платонов А. Счастливая Москва: Повести. Рассказы. Лирика. М., 1999. С. 88*).

²⁶ *Бергсон А. Творческая эволюция. С. 33.*

²⁷ Там же. С. 34.

²⁸ Там же. С. 246.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 120.

³¹ Там же. С. 119.

³² Там же. С. 64.

³³ Там же. С. 192.

³⁴ Там же. С. 246.

³⁵ *Платонов А.П. Котлован (1930) // Платонов А.П. Повести и рассказы. 1928—1934. М., 1988. С. 6.*

³⁶ Фрагменты черного автографа повести «Котлован». Публ. Т.М. Вахитовой и Г.В. Филиппова // *Творчество Андрея Платонова. СПб., 1995. С. 97. Ср. в «Творческой эволюции» А. Бергсона: «Жизнь <...> представляет собой <...> определенное усилие, направленное на то, чтобы добиться чего-то от неорганизованной материи» (*Бергсон А. Творческая эволюция. С. 151*).*

³⁷ *Вернадский В.И. Биосфера. С. 65—66.*

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Ср. мнение И. Пригожина, что «необратимые процессы играют «существенную конструктивную роль в физическом мире» (*Пригожин И. От существующего к возникающему. М., 1965. С. 12*).

⁴⁰ *Бергсон А. Творческая эволюция. С. 123—124.*

⁴¹ *Вернадский В.И. Дневники // Новый мир. 1988. № 3. С. 218.*

⁴² «Все элементарные силы интеллекта направлены на то, чтобы преобразовать материю в орудие действие, то есть в орган, в этимологическом смысле этого слова», «Интеллект — это жизнь, смотрящая вовне, становящаяся внешней относительно самой себя, перенимающая, в принципе, приемы неорганизованной природы, чтобы на деле управлять ими» (*Бергсон А. Творческая эволюция. С. 172*).

⁴³ Там же. С. 262.

⁴⁴ *Платонов А.П. Мусорный ветер // Платонов А.П. Повести. Рассказы. Из писем. Воронеж, 1982. С. 311.*

⁴⁵ *Бергсон А. Творческая эволюция. С. 204.*

⁴⁶ Там же. С. 61.

⁴⁷ *Цейтлин З. Теория относительности А. Эйнштейна и диалектический материализм // Теория относительности и материализм. Сб. ст. Л.; М., 1925. С. 223.*

⁴⁸ Еще в 1920-е гг. был сделан вывод о том, что совершенно новую картину мира дает требование Общей теории относительности, чтобы «все без исключения движения носили относительный характер, чтобы <...> в законы природы могли входить только вза-

имные движения тел...» (*Шлик М.* *Время и пространство в современной физике.* Пер. с нем. П. Юшкевича // *Теория относительности Эйнштейна и ее философское обоснование.* М., 1923. С. 18).

⁴⁹ *Бергсон А.* *Творческая эволюция.* С. 235.

⁵⁰ *Русский космизм. Антология философской мысли.* М., 1993. С. 318.

⁵¹ *Платонов А.* *Записные книжки. Материалы к биографии.* М., 2000. С. 108.

⁵² *Бергсон А.* *Творческая эволюция.* С. 192.

⁵³ *Платонов А.* *Чевенгур.* М., 1988. С. 247.

⁵⁴ *Вернадский В.И.* *Биосфера.* С. 102.

⁵⁵ *Бергсон А.* *Творческая эволюция.* С. 248.

⁵⁶ «Живое вещество часть получаемой им лучистой энергии держит непрерывно в своем веществе, в живых организмах» (*Вернадский В.И.* *Биосфера.* С. 63).

⁵⁷ *Шлик М.* *Время и пространство в современной физике.* С. 48.

⁵⁸ *Вернадский В.И.* *Биосфера.* С. 14. Вернадский был убежден в том, что у Вселенной есть определенная цель и вектор развития. Если Платонов считал человека, с его энергетически-вещественной праведностью, важным компонентом Провидения, то Вернадский, как академический ученый, был очень осторожен в таких выводах, хотя и признавал, что «само живое вещество не является случайным созданием» (*Вернадский В.И.* *Биосфера.* С. 146). Платонов считал, что новый преобразенный человек должен обладать двумя свойствами — быть активным и чувствительным приемником космической энергии, и, одновременно, уметь ее без потерь направить в нужное место, область «вещества», ту же мысль мы встречаем в «Биосфере»: «Мы видим, что неизменно в течение всего геологического времени — под влиянием неуклонного тока лучистой энергии — в биосфере действовал один и тот же химический аппарат, созданный и поддерживаемый в своей деятельности живым веществом... Существование этих областей планеты связано, с одной стороны, с той энергией, какую она получает от солнца, а с другой — со свойствами того живого вещества, которое является аккумулятором и трансформатором этой энергии в земную химическую» (*Вернадский В.И.* *Биосфера.* С. 145).

⁵⁹ *Вернадский В.И.* *Биосфера.* С. 20. Эту мысль, возможно, разделял М.А. Булгаков; мысль о том, что «рукописи не горят» («Мастер и Маргарита») может быть оправдана только признанием такого рода энергетического следа, онтологической памяти.

⁶⁰ *Русский космизм. Антология философской мысли.* С. 324.

⁶¹ Там же. С. 319.

⁶² *Цейтлин Э.* *Теория относительности А. Эйнштейна и диалектический материализм // Теория относительности и материализм.* Сб. ст. Л.; М., 1925. С. 261. Ср. мнение Г. Ми: «Природа, по-видимому, воспроизводит все богатство физического мира из небольшого числа простых процессов в одной мировой субстанции» (*Ми Г.* *Курс электричества и магнетизма.* 1925. С. 267).

⁶³ *Шлик М.* *Время и пространство в современной физике.* С. 47.

⁶⁴ *Умов Н.А.* *Собрание сочинений.* Т. 3. М., 1916. С. 161.

⁶⁵ Там же. С. 199—200.

⁶⁶ Цит. по: *Планк М.* *Возникновение и постепенное развитие теории «квант»* (Нобелевская речь, прочитанная им 2 июня 1920 года в Шведской Академии наук // *Теория относительности и материализм.* Сб. ст. Л.; М., 1925. С. 15—16.

⁶⁷ Там же. С. 22—23.

⁶⁸ Там же. С. 17.

⁶⁹ См.: *Тараров Я.В.* *Теория струн как современная физическая концепция «основания мира».* Гносеологический и онтологический срез // *Вопросы философии.* 2007. № 3. С. 142—151.

⁷⁰ «Я прибавлю к известным уже видам единства и всеобщую чувствительность материи. потенциальную способность каждого атома, при сложной обстановке, жить <...> чувствуют атомы, его составляющие. Разрушен мозг — исчезло и напряженное чувство атомов, заменившись ощущением небытия, близким к нулю» (Русский космизм. Антология философской мысли. С. 269).

⁷¹ См. статью автора: О мотиве любви в творчестве Андрея Платонова // Русская литература. 2003. № 2. С. 31—47.

⁷² Бергсон А. Творческая эволюция. С. 140.

⁷³ Там же. С. 144.

⁷⁴ Ср.: «Любовь как принцип бытия, преобразующий мир — вот о чем мечтали русские космисты» (Гулыга А.В. Космическая ответственность человека // Русский космизм и современность. М., 1990. С. 68).

⁷⁵ Бергсон А. Творческая эволюция. С. 244.

⁷⁶ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 91.

⁷⁷ Бергсон А. Творческая эволюция. С. 144.

⁷⁸ Там же. С. 42.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 52.

⁸¹ Письмо П.А. Флоренского В.И. Вернадскому от 21.09.1929 // Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М., 1993. С. 587.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 587—588.

⁸⁴ Согласно последним данным геофизики, магнитное поле Земли обладает качеством памяти, это доказывают исследования палеомагнитологов, в частности Института физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН.

⁸⁵ Бергсон А. Творческая эволюция. С. 42.

Российская государственная библиотека
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Музей-библиотека Н. Ф. Федорова
при Центральной детской библиотеке № 124 ЦБС «Черемушки»

**«СЛУЖИТЕЛЬ ДУХА
ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ»**

**НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ
ФЕДОРОВ**

(к 180-летию со дня рождения)

Сборник научных статей
Часть 2

Москва
«Пашков дом»
2010